

По изначальным предположениям Сунь Цзысюаня, Хэ Цинфэна и других людей, считалось, что Шангуань Чэню было бы очень сложно склонить голову и признать свою ошибку.

Потому что у человека в жизни одно лицо, как у дерева одна кора. Тем более, чем выше положение занимал человек, тем больше он уделял внимания своей собственной репутации.

Чтобы такие «большие фигуры» у всех на виду и публично кланялись, признавая свои ошибки, чтобы самолично потерять свое лицо? Ха, да это немногим легче, чем вознестись на небеса!

Поэтому большинство крупных фигур лучше уж признали бы ошибку молча самому себе, а иногда, и попросту упрямо не признавая свои неверные действия, могли бы обратить их в верные, но точно не сознались бы в собственной ошибке!

Конечно, возвращаясь к теме разговора, можно заметить, что не только важные люди, попав в такую ситуацию, не хотели признавать свои ошибки. Сколько из обычных людей смогли бы назвать самого себя неправым, признать свою ошибку?

Любой человек с самого начала всегда верит в свою собственную правоту. Пусть даже потом осознаёт, что сам неправ, но на словах всё равно не признает своих ошибок. И если бы кто-то прямо указал на эти ошибки, любой сразу разозлился бы или просто запомнил бы о своей злобе, чтобы в будущем напомнить о ней.

Именно поэтому Сунь Цзысюань, Хэ Цинфэн и другие люди так смотрели на Шангуань Чэня, уже заранее определив, что он не сможет признать свои ошибки. Кроме того, они уже придумали некоторые меры, которые гарантировано раздавили бы в пух и прах репутацию Шангуань Чэня, и позволили бы подготовиться к окончательной его ликвидации.

Но они никак не ожидали, что на глазах у всех Шангуань Чэнь всё же откровенно признает свою собственную ошибку. К тому же, он намеренно заполучил поддержку со стороны общественности и сознательно управлял их мнением. Это почти моментально перевернуло все с ног на голову, и заодно создало Ван Гуйи, Лю Чжигуану, семье Хэ и семье Сунь образы мелочных людишек, совсем не имеющих добрых немеряней.

Из-за этого сейчас Сунь Цзысюань, Хэ Цинфэн и другие люди были застигнуты врасплох, в результате чего они некоторое время вообще не понимали, что делать!

Из-за того, что они не сделали первый шаг к тому, чтобы скорее принять извинения Шангуань Чэня, тот, находясь перед ними, подождал некоторое время, а затем снова сделал шаг навстречу. Не было ли это бесполезно? Всё равно репутация мелочных людишек уже принадлежала им, и от нее нельзя было избавиться!

Но не сделать шаг вперед было нельзя, потому что иначе вся Арена могла бы громко освистать любого, если бы одного из них Шангуань Чэнь спровоцировал. А когда этот момент наступил бы, словами не описать, как было бы плохо Сунь Цзысюаню, Хэ Цинфэну и остальным!

«По поводу вчерашнего, наша семья Хэ тоже была неправа, слова градоначальника Шангуаня действительно много значат!» – шагнув вперед, беспомощно сквозь горькую улыбку сказал один из старцев семьи Хэ, а затем сложив руки в знак примирения направился к Шангуань Чэню

«Градоначальник Шангуань, в этом не было необходимости!» – вслед за семьёй Хэ произнес ни молодой, ни старый ученик Лю Чжигуана, а за ним повторил сквозь горькую улыбку младший брат Ван Гуйи – Ван Гуйхуа.

«Наша семья Сунь принимает извинения Градоначальника Шангуаня!» – сделав шаг вперёд и слегка равнодушно посмотрев на Шангуань Чэня, холодно сказала старейшина из семьи Сунь.

«Благодарю всех за вашу снисходительность и за то, что смогли принять мои извинения!»

Не заметив безразличия старейшины из семьи Сунь, Шангуань Чэнь сделал следующий шаг и с улыбкой добавил: «Город Красная Скала – это наш общий дом, и в отношении него мы должны всеми силами избавляться от внутренних противоречий и держаться единого направления во внешней политике – только это будет верным решением!»

«Справедливо сказано, градоначальник Шангуань!»

«Всё-таки градоначальник Шангуань обладает сильным духом и характером, не то что остальные!»

«Город Красная скала должен избавиться от внутренней борьбы за власть!»

После того, как голос Шангуань Чэня утих, в толпе поочередно одобрительно вскрикивали выражавшие общественное мнение люди.

Старец из семьи Хэ, ученик Лю Чжигуана, младший брат Ван Гуйи – Ван Гуйхуа, старейшина из семьи Сунь, Сунь Цзысюань, Хэ Цинфэн и остальные снова поменялись в лице. На этот раз их лица выглядели ужасно.

То, что сегодня произошло – было ошибкой, большой ошибкой. Всё было под контролем Шангуань Чэня, а остальные просчитались.

«Не спешите, градоначальник Шангуань, этот Сяо Фань вчера всё-таки убил старика Ма Луна и десяток охранников нашей Академии Формаций Линьфэн. К тому же, он самовольно управлял нашими защитными и атакующими формациями, подвергая опасности всё наше войско

Академии Формаций Линьфэн. Разве не Вы должны принести извинения и за эти дела тоже?» – с мрачным лицом неожиданно произнес Чжоу Чэн, и голос его был слышен каждому.

«Почему я должен извиняться перед вашей Академией Формаций Линьфэн? Убив Сунь Чжэнвэя и остальных, возможно, Сяо Фань и переборщил, и за это я публично извинился. Но касательно того, что Сяо Фань убил старика Ма Луна и десяток охранников вашей Академии Формаций Линьфэн, то здесь я считаю, что он сделал всё верно!» – окинув взглядом Чжоу Чэна, равнодушно произнес Шангуань Чэнь.

«Он убил людей из нашей Академии Формаций Линьфэн, нанеся нам огромный ущерб, а ты наоборот говоришь, что он сделал всё верно?» – без всякой улыбки произнес Чжоу Чэн.

«Именно так!»

Холодно сказал Шангуань Чэнь: «Ваша Академия Формаций Линьфэн продала Сяо Фаню Камни Безмолвия, и когда было очевидно, что сделка завершена, вы вдруг, противореча самим себе, захотели схватить Сяо Фаня, отнять Камни Безмолвия и, очернив его, оставить десять миллионов Облачных монет. Теперь в присутствии всех я всё же хочу спросить: ваша Академия Формаций Линьфэн всегда работает так бессовестно?»

Открыв рот и желая что-то сказать, Чжоу Чэн всё же не смог выдать из себя и слова. Только лишь его лицо сделалось ещё более мрачным.

«Раз уж вы первыми проявили бесчеловечность, то после этого не нужно несправедливо обвинять Сяо Фаня! Вы все хотели убить человека, так разве человек не должен был этому сопротивляться?»

Усмехнувшись, сказал Шангуань Чэнь: «В городе Красная Скала ваша Академия Формаций Линьфэн действительно может своевольничать? Не придерживаться строгих правил? Кем вы себя возомнили? Местными императорами города Красной Горы?»

«Или же вы думаете, что вашей Академии Формаций Линьфэн во всём округе Восточного Священного Пика нет равных? Решили стать единоличными владыками округа Восточного Священного Пика?»

Вокруг воцарилась гробовая тишина!

Многие смотрели странным взглядом на Чжоу Чэна и остальных из Академии Формаций Линьфэн. У большинства виднелось признание в глазах!

Чжоу Чэн не смог сказать ни слова, а лицо его стало крайне мрачным!

«Ладно тебе, градоначальник Шангуань. Что бы не сказал Чжоу Чэн – это лишь слова младшего

поколения. Молодой и горячий, он сказал то, что не стоило бы говорить, и это нельзя не простить. Что же ты не оставишь его в покое? Разве старшие обижают младших?» – увидев, что Шангуань Чэнь хотел задать ещё какой-то вопрос, стоявший рядом рослый третий дядя Хань Дунсюэ тут же сказал эти слова голосом, которым пытался всё сгладить.

«Раз уж заместитель главы Хань просит о снисхождении к тебе, то я тоже больше ничего не скажу. Ладно, возвращайся и хорошенько подготовься к соревнованиям. Не заставляй своего мастера разочароваться!» – окинув взглядом рослую фигуру и снова посмотрев на Чжоу Чэна, холодно сказал Шангуань Чэнь.

Чжоу Чэн крепко стиснул губы и с невероятно мрачным лицом махнул рукой, а затем, развернувшись, ушёл прочь.

«Ладно, всё же нужно был быстрее решить это дело. А сейчас я объявляю соревнования на Арене официально открытыми!» – спрятав руки за спину и осмотрев всех вокруг, громко произнес Шангуань Чэнь.

<http://tl.rulate.ru/book/28948/697029>